Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 33–40.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 33–40.

Научная статья
УДК 94
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Старые и новые интересы Китая в Центральной Азии

Евгений Владимирович Савкович
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
Новосибирский Государственный Университет Экономики и Управления,
Новосибирск, Россия, savkovichy@yandex.ru
Артём Георгиевич Данков
Московский государственный институт (университет) международных отношений, Москва, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, artem.dankov.83@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена обсуждению и анализу ключевых китайских национальных интересов в Центральной Азии, которые являются важными элементами анализа в западной и отечественной практике. Это вызвано как экономическим и политическим ростом самого Китая, так и попытками понять, что на самом деле является его геополитическими интересами и как они изменяются. В работе представлен анализ основных принципов китайской политики в Центральной Азии, форм её реализации на практике.
Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, внешняя политика, "мягкая сила, национальные интересы*
Для цитирования: Савкович Е. В., Данков А. Г. Старые и новые интересы Китая в Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 33–40. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Old and new interests of China in Central Asia

Evgeniy V. Savkovich
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia;
Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, savkovichy@yandex.ru
Artyom G. Dankov
Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow, Russia;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the discussion and analysis of key Chinese national interests in Central Asia, which are important elements of analysis in Western and domestic practice. This is driven both by the economic and political growth of China itself, and by attempts to understand what its geopolitical interests actually are and how they are changing. The paper presents an analysis of the basic principles of Chinese policy in Central Asia and the forms of its implementation in practice.
Key words: *China, Central Asia, foreign policy, soft power, national interests*
For citation: Savkovich E. V., Dankov A. G. Old and new interests of China in Central Asia // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 33–40. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Важнейшими элементами внешней политики государства остаются сформулированные в различных формах национальные интересы (стратегии, концепции, теории, инициативы, планы и т.д.). С помощью опубликованных документов мы можем оценить намерения государств, а реальные внешнеполитические шаги таким же образом могут быть оценены по конкретным двусторонним соглашениям, однако не сводимы только к ним. С одной стороны, государство определяет их самостоятельно, с другой – их пытаются обозначить и выявить внешние участники, в том числе на государственном уровне, в рамках независимых аналитических центров, экспертного сообщества, научных и академических учреждений, частных лиц и т.д.

Основная проблема данного исследования заключается в рассмотрении преемственности китайской внешней политики в регионе Центральной Азии на протяжении ее формирования (1990 – н.в.), а также сравнительно "новых" ее элементов через призму национальных интересов.

В качестве исследовательских задач в представленной работе можно выделить следующие:

- разграничить и в общем виде представить условно "старые" и "новые" интересы КНР в регионе Центральной Азии;
- выделить отдельные компоненты национальных интересов в различных формах, представленными в китайских внешнеполитических концепциях;
- описать предложенные Китаем принципы сотрудничества;
- представить новые модели "вовлечения" государств в сотрудничество;

© Савкович Е. В., Данков А. Г., 2024

• охарактеризовать "новые" интересы КНР в регионе с учетом появившихся внутри- и внешнеполитических проблем.

Обсуждение китайских национальных интересов является важным элементом анализа в западной и китайской теории и практике международных отношений. Это вызвано как ростом самого Китая, так и попытками понять, что на самом деле является его геополитическими интересами и как они изменяются. В целом на этом этапе можно выделить следующие уровни: стратегирования, формирования и формулирования национальных интересов.

"Ключевые национальные интересы" Китая в качестве термина, а также некой модели можно встретить, например, у М. Суэйна **[20]**. В данном случае показан выход за пределы "базовых" или "ключевых" интересов (*хэсинь лии*), к которым можно отнести:

- сохранение существующей государственной системы;
- национальную безопасность;
- защиту национального суверенитета и территориальной целостности;
- продолжение практики модернизации;
- стабильное развитие экономики и общества; и т.д. **[13]**.

Попытки формулирования национальных интересов предпринимались и китайскими авторами, которые выбирали в качестве методологии исследований неореализм **[13]**. Здесь в дополнение к уже имеющимся примерам в качестве национального интереса, например, Е Сяоди приводит "сохранение статуса "великой державы" на длительный период времени" **[22]**.

В рамках данного исследования условно "старые" интересы – сформулированные еще на первом этапе взаимодействия (1990-е – начало 2000-х гг.), а "новые" появляются сравнительно недавно и связаны в том числе с развитием китайской инициативы "Пояса и пути" (2013 – н.в.). Постараемся рассмотреть эти блоки более подробно.

С точки зрения регионального контекста КНР начинает формулировать интересы в Центральной Азии уже в первый период после установления дипломатических связей. Однако и до этого момента в Китае уже активно изучали пограничные территории позднего СССР, анализировали хозяйственную деятельность советских республик вплоть до создания каталогов отдельных хозяйствующих субъектов, получивших новые права и преференции в торговле.

Попытки наложить понятие "национальный интерес" на внешнюю политику Китая в качестве исследовательской проблематики можно обнаружить в работах конца 1990-х гг.**[10]**. Характерной чертой данного периода была повышенная дипломатическая активность Китая и различного рода "принципы", "цели", "задачи", которые озвучивали китайские государственные деятели на разных уровнях и различных площадках. Часть такого рода внешнеполитической риторики была адресована государствам-соседям КНР.

В качестве базовых норм внешней политики, которую проводил Китай как в регионе Центральной Азии в целом, так и в рамках двусторонних отношений, являются "пять принципов мирного сосуществования", которые лежат в основе дипломатии современного Китая. Так, КНР стремится развивать отношения со всеми странами мира на основе:

- взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности;
- взаимного ненападения;
- невмешательства во внутренние дела друг друга;
- равенства и взаимной выгоды;
- мирного сосуществования **[2]**.

Данные принципы были положены в основу типовых "Совместных заявлений" Китая и стран Центральной Азии, которые были подписаны одновременно с установлением дипломатических отношений в январе 1992 года. Встречаются они и в более поздних документах.

Продолжая данную практику, в июле 1994 года заместитель премьера Госсовета КНР и министр иностранных дел Цянь Цичэнь на форуме АСЕАН озвучил базовые принципы сотрудничества Китая со странами Азиатско-Тихоокеанского региона **[5]** (которые можно было распространить и на Центральную Азию):

• установление отношений взаимного доверия и уважения интересов друг друга;

- сохранение добрососедских отношений с новыми государствами на основе Устава ООН и пяти принципов мирного сосуществования;
- установление взаимовыгодных экономических связей для стимулирования общего экономического развития;
- разрешение конфликтных ситуаций или споров между странами региона на основе равных консультаций;
- совместная работа над сокращением факторов нестабильности;
- руководство целями мира и безопасности для данного региона, не проведение гонки вооружений, не использование угрозы применения ядерного оружия против неядерных держав;
- стимулирование всех форм регионального двустороннего и многостороннего диалога по проблемам безопасности **[5]**.

По сути, это заявление можно трактовать как расширенную версию "пяти принципов мирного сосуществования" с определенными форматами для развития двух- и многостороннего сотрудничества.

Параллельно с формулированием теоретических принципов и норм сотрудничества, развиваются и отношения с пограничными или периферийными (*чжоубянь*) государствами. Постепенно формируется несколько направлений практической реализации, а именно:

- создание четких базовых принципов двусторонних отношений;
- подчеркивание "особых связей" КНР со странами региона;
- формирование дружественного, "невраждебного" диалога;
- "сотрудничество через вовлечение";
- признание "базовых интересов" другой стороны.

Большинство данных пунктов продолжило развиваться в различных вариантах, что было институционализировано сначала в так называемую "Шанхайскую пятерку", а затем – Шанхайскую организацию сотрудничества. Важнейшим компонентом данного процесса являлось обеспечение безопасности, а Китай и Россия формировали региональную подсистему, оторванную от европейской системы безопасности.

Формулирование и акцентуация интересов в регионе Центральной Азии происходила и позднее. Так, авторы Чи Дунхай и Чжао Цзянь в работе 2010 года "Центральная Азия и Китай: геополитика и безопасность" предлагали следующие трактовки: "у всех государств существует примерно один и тот же круг проблем... базовых интересов... это касается обеспечения независимости и суверенитета, территориальной целостности, религиозных и национальных проблем, использования ресурсов, безопасности в целом" **[8, с. 23]**. Китайская сторона занималась как изучением региона в целом, так и отдельных государств Центральной Азии, а планирование взаимодействия начиналось как раз с этого компонента. Особенно детально рассматривались "базовые" или "коренные" интересы (*хэсинь лии*) **[7, с. 90]**. В дальнейшем Китай оказывал содействие в решении "коренных" проблем – во всех документах КНР поддерживает усилия стран в рамках развития экономики, защиты национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности **[4, с. 20]**, что, собственно, можно отнести к "базовым" или "коренным" интересам. С другой стороны, в качестве задачи для развития собственного Запада (СУАР, Тибет, провинции Ганьсу, Цинхай) важным компонентом стало развитие всех видов трансграничных контактов с государствами Центральной Азии, а Синьцзян-уйгурский автономный район становится своеобразными "воротами" в регион. В данном случае политические интересы (безопасность, стабильная граница) были тесным образом увязаны с интересами экономическими (развитие собственных провинций и автономных районов).

Политика и практика реализации построения "гармоничного общества" (*хэсе шэхуэй*) в Китае при Председателе Ху Цзиньтао из внутриполитической стала внешнеполитической, получив название "гармоничного мира" (*хэсе шицзе*) и, по сути, став развитием идей Дэн Сяопина "о мире и развитии" **[16]**. При этом в период нахождения у власти Ху Цзиньтао государства региона сталкиваются с существенными внешними вызовами, известными как "цветные революции", а "вторая кыргызская революция" становится моментом, когда "принципы могли столкнуться с реальностью". Однако и на этот раз Китай не отказался от принципов мирного сосуществования, даже когда под угрозой оказалась государственность соседней республики.

В 2013 году начинается провозглашение новых инициатив, в частности, провозглашается инициатива "Один пояс, один путь". В первую очередь, это связано с личностью нового Председателя КНР Си Цзиньпина. Одной из задач инициативы стало расширение так называемой "периферийной дипломатии" за пределы существующих национальных границ. Китай в данном случае становился из региональной державы глобальной, "стабилизируя" ситуацию за счет присутствия в регионе и формирования стабильной и безопасной "среды". Казахстан как место, где инициатива была озвучена, становится важнейшим государством Центральной Азии в "периферийной дипломатии" Китая. В качестве принципов развития "Одного пояса, одного пути" были обозначены следующие:

- политическое согласование (общий курс);
- строительство общей дорожной сети (перевозки и транзит);
- укрепление торговых связей, валютных потоков и контактов между людьми **[18, p. 1]**.

Расширяя программы сотрудничества, Китай в данном случае продолжал предыдущую практику "сотрудничества через вовлечение". В итоге к инициативе подключились более 60 государств, появляется разделение на "граничащие" (*яньсянь*) и "относящиеся" (*сянгуань*) к "Одному поясу, одному пути" **[11, p. 3]**. Фактически речь шла о развитии всей Евразии (континентальная или сухопутная часть "Одного пояса, одного пути"). В то же время Китай, стремясь учесть интересы России, заявляет о готовности сопрягать проекты ОПОП с интересами и деятельностью ЕАЭС в Евразии.

Соответствующим образом развивается стратегирование. В октябре 2013 года в Пекине Си Цзиньпин озвучивает "две цели столетия", а именно: построение среднезажиточного общества (*сяокан*) к 2021 году и превращение КНР в сильное, процветающее государство. Доклад на 18-м Всекитайском съезде КПК стал ключевым по целеполаганию [3]. В дальнейшем можно выделить три инициативы Си Цзиньпина – "Инициатива по глобальному развитию", "Инициатива по глобальной безопасности" и "Инициатива глобальной цивилизации". Собственно, все три инициативы, с одной стороны, были предложением для рассмотрения мировому сообществу, с другой – частью долгосрочной стратегии Китая по встраиванию в глобальное пространство и увеличению роли в глобальном управлении. Что касается региональных механизмов, то здесь можно отметить проекцию собственных государственных (национальных) интересов КНР через определенные механизмы (инструменты) на регион Центральной Азии. Частью механизмов стали экономические, частью – культурные и социальные (практика использования "мягкой силы"). Частичная приостановка механизмов "мягкой силы" и переформатирование деятельности Институтов Конфуция и Ханьбань было связано с некоторым изменением самих принципов использования "мягкой силы", а также пандемией COVID-19.

Однако существенные вызовы появились уже в 2020-х гг. Так, 2020-е годы уже отмечены большим количеством различных событий. После начала глобальной пандемии COVID-19 изменились и подходы к двух- и многосторонним отношениям. Во внешнеполитической практике появляются новые инструменты. Так, можно отметить появление "зум-дипломатии" (zoom-diplomacy) **[9]**, что в случае с Китаем называлось "вув-дипломатия" (voov-diplomacy по наименованию основного для китайской части интернета видеомессенджера). Для Китая, как и для других государств мира, были закрыты границы, отменены ключевые мероприятия за рубежом. В данном случае существенную негативную роль сыграли разнообразные внешнеполитические императивы и COVID-19, который с подачи президента США Д. Трампа начал называться "китайский вирус", "уханьский вирус" по его происхождению, что серьезно ударило по китайскому имиджу за рубежом.

По данной проблематике начали появляться и разнообразные научные статьи, некоторые из них уже в названии фиксировали негатив по отношению к КНР, например, китайскую внешнеполитическую практику называли "пандемийной дипломатией" **[17]**, увеличилось количество антикитайских выступлений, социальных и бытовых конфликтов, связанных с пандемией. Собственно, поэтому Китай уделил большое внимание так называемой "ковидной дипломатии", которая может быть разделена на два компонента: "ди-

пломатию масок" и "дипломатию вакцин" **[15]** по ключевым компонентам такого рода взаимодействия с другими государствами. Для Китая подобного рода дипломатическая работа оказывалась очень важна, так как помогала снизить негативные последствия COVID-19 и положительным образом "работала" на китайский имидж. Так, только в рамках международного сотрудничества Китай передал при участии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) более 180 млн. доз вакцин Синофарм (Sinopharm) и Синовак (Sinovac) другим государствам **[19]**.

В августе 2021 года китайская сторона принимала международный форум по COVID-19, выступая на котором Председатель Си Цзиньпин сказал: "Китай готов работать с международными организациями по продолжению сотрудничества в области разработки и внедрения вакцин для защиты международного сообщества и общего будущего" **[15, p. 4]**. Что касается государств Центральной Азии, то здесь как раз доминировали вакцины, созданные в России и Китае, правительство Республики Казахстан выступило за разработку собственной, а Кыргызстан закупил вакцину Турковак (Turcovac) в Турции **[14]**.

Продолжается сотрудничество в достаточно чувствительных для всех государств сферах, которые выходят за рамки непосредственно науки и техники, медицины, а на более высоком уровне государства Центральной Азии и Китая вновь обсуждают проблематику безопасности и ее составляющие.

Пандемия нарушила традиционные механизмы функционирования экономики, в частности, сильно пострадала приграничная торговля, в том числе с Китаем. В данном случае также оказывалась существенная роль СУАР в региональной политике Китая, который долгое время был транзитным регионом, но за 2000–2010-е гг. стал одной из производственных баз КНР на Западе, а роль транзитного региона стал выполнять Казахстан.

Вновь возникли проблемы с безопасностью, особенно это касается двух сюжетов, относящихся также к 2020-м гг.: пограничному конфликту между Кыргызстаном и Таджикистаном, а также "январским событиям" 2022 года в Казахстане. Фактически оказывается, что долгосрочная политика Китая в регионе была поставлена под вопрос, а "местная низовая исламизация" в ряде сопредельных регионов также существенно повлияла на уровень синофобии в этих обществах.

К сближению и сотрудничеству КНР со странами региона подталкивает и расширение присутствия "внешних" для региона государств, в частности – США. Так, в 2020 году появляется внешнеполитический документ, который ставит задачи в регионе вплоть до 2025 года **[21]**. Причем в страновой составляющей (Республика Казахстан) документов США отмечают следующее: "Россия и Китая поддерживают значительные связи и влияние в Казахстане и Центральной Азии, продвигая цели и ценности, которые зачастую противоречат американским" **[12]**.

К настоящему моменту оказалось, что политика и практика обеспечения безопасности Китай уже не устраивает, именно поэтому КНР создает новую концепцию безопасности, которая становится элементом внешней политики и предлагается в качестве основы для взаимодействия с государствами-соседями. Полностью она называется "Концепция глобальной безопасности", была разработана и представлена 21 февраля 2023 года **[6]**. Что касается государств Центральной Азии, то в тексте также для них нашлось место, в частности, был упомянут механизм "С1+5", который отразил желание Китая развивать сотрудничество на новом многостороннем уровне **[6]**. Также переход к новому формату частично можно отнести к "торможению" старых форматов сотрудничества. Так, после принятия в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) Индии и Пакистана в 2018 году стал более трудно достижимым региональный баланс. В ранних работах А. Д. Воскресенский называет это "многофакторным равновесием", который первоначально формировался на базе сотрудничества РФ и КНР [1]. Тем не менее для укрепления единства и решения других стоящих перед ШОС задач Китай опирается на ее важнейший принцип – "Шанхайский дух" (*Шанхай цзиншэнь*). При этом в практическом плане, помимо ШОС, Пекин рассматривает этот принцип в качестве модели для развития сотрудничества с другими регионами мира.

В качестве итога можно отметить следующее. В целом период после 2013 года можно назвать "новые форматы и механизмы при сохранении старых". То же самое относится и к долгосрочным интересам. Китайская дипломатия развивается по своеобразной "спирали" – идет последовательное развитие внешнеполитических концепций, от старых не отказываются, но дорабатывают и добавляют новые элементы. Если концепция не работает совсем или вызывает внешнюю критику, только тогда от нее отказываются, как произошло с концепцией "мирного возвышения Китая".

Региональные инициативы Китая проходили определенную обкатку – Центральная Азия рассматривалась не только как субъект, но и как объект международных отношений и дипломатии Китая, для чего требовалась разработка собственного инструментария, а также его практическое применение.

Появление новых интересов с китайской стороны также связано с экономической сферой, которая, однако, перекликается со сферой безопасности – это сохранение и развитие системы, формирование и работа в новых структурах и региональных механизмах, энергетика (уран) и т.д.

Что касается интересов, они также могут быть представлены еще в одной классификации:

- собственные государственные (национальные) интересы;
- общие интересы;
- надгосударственные интересы, в том числе связанные с идеологией;
- разработка концепции государственных (национальных) интересов.

На всех уровнях можно отметить активность и практику продвижения интересов через уже созданные и создаваемые вновь механизмы.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М., 2000. С. 413–440.

2. "Жэньминь жибао" публикует передовую статью, посвященную 50-й годовщине со дня выдвижения пяти принципов мирного сосуществования // Жэньминь жибао онлайн. URL: http://russian.people.com.cn/31521/2602534.html (дата обращения: 30.03.2024).

3. Си Цзиньпин тань "цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй" = Си Цзиньпин обсудил построение всеобъемлющего среднезажиточного общества // Чжунго гунчандан синьвэнь ван (Новостная сеть КПК), 04.03.2015. URL: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0303/c385476-26629388.html (дата обращения: 30.03.2024).

4. Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой (Алматы, 3 января 1992 г.) // Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 3. Сборник документов. Алматы, 2010. С. 20.

5. Справка: отношения дружбы и сотрудничества между КНР и АСЕАН // Жэньминь жибао онлайн. 2004. 30 ноября. URL: http://russian.people.com.cn/31521/3021303.html (дата обращения: 30.03.2024).

6. Цюаньцю аньцюань чанъи гайнянь вэньцзянь. Цюаньвэнь = Концепция глобальной безопасности. Полный текст. 21.02.2023 // Чжунхуа жэньминь гунхэго Чжунъян жэньминь чжэнфу = Правительство Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 30.03.2024).

7. Чжунго юй Чжунъя гоцзя хэцзо силунь = Анализ сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии / Под ред. Чжао Чанцина. Пекин, 2012.

8. Чи Дунхай, Чжао Цзянь. ЧжунъЯ юй Чжунго диюань чжэнчжи аньцзюань = Центральная Азия и Китай: геополитика и безопасность // Шичан чжоукань. 2010. № 6. С. 23.

9. Crawford Ch. Diplomacy In The Age of Zoom // Diplomat Magazine, July 7, 2021. URL: https://diplomatmagazine.com/diplomacy-in-the-age-of-zoom/ (дата обращения: 30.03.2024).

10. Deng Yong. The Chinese Conception of National Interests in International Relations // The China Quarterly. No.154 (June 1998). P. 308–329.

11. Ghiasy R., Zhou Jiayi. The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU-China cooperation prospects. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2017. P. 3.

12. Integrated Country Strategy. Kazakhstan // U. S. Department of State, May 25, 2022. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (дата обращения: 30.03.2024).

13. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U.S. Army in Asia, 2030-2040. RAND Corporation, 2014. P. 11–46.

14. Lehmann D. The State of the COVID-19 Pandemic in Central Asia // Caspian Policy Center, July 12, 2021. URL: https://www.caspianpolicy.com/research/energy-and-economy-program-eep/the-state-of-the-covid-19-pandemic-in-central-asia (дата обращения: 30.03.2024).
15. Liu Liantao, Huang Yongli, Jin Jiyong. China's Vaccine Diplomacy and Its Implications for Global Health Governance // Healthcare, 2022. July, 10, 1276. 10 p.
16. Mariani B. China's Role and Interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. 21 p.
17. Searight A. Pandemic Politics: China Sharpens Its Power // Countering China's Influence Activities. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020. P. 24–30.
18. Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers. Center for China in the World Economy, Tsinghua University China Economic Net. May 20. 2014. 13 p.
19. Sinopharm, Sinovac important part of COVAX vaccine initiative: WHO // Xinhua, 07.01.2022. URL: https://english.news.cn/20220107/7c21e412dd624b6a80dbbf5226e2a1a1/c.html (дата обращения: 30.03.2024).
20. Swaine M.D. China's Assertive Behavior, Part One: On Core Interests // China Leadership Monitor, 2011. No. 34. P. 1–25.
21. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advanced Sovereignty and Economic Prosperity // U. S. Department of State, February, 2020. URL: https://www. state. gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/ (дата обращения: 30.03.2024).
22. Ye Xiaodi. Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realost Approach // Journal of Current Affairs. 2019. Vol.48(1). P. 76–105.

References

1. Voskresensky A.D. Multifactor equilibrium in international relations // Political science in Russia: intellectual search and reality. M., 2000. P. 413–440. (In Russ.).
2. "People's Daily" publishes an editorial dedicated to the 50th anniversary of the five principles of peaceful coexistence. // People's Daily online. URL: http://russian.people.com.cn/31521/2602534.html (accessed 30.032024). (In Russ.).
3. Xi Jinping discussed building an inclusive, moderately prosperous society. // Zhongguo gongchandan xinwen wang (CPC News Network), 03/04/2015. URL: http//cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0303/c385476-26629388.html (accessed 30.03.2024). (In Chin.).
4. Joint communiqué on the establishment of diplomatic relations between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China (Almaty, January 3, 1992) // Syroezhkin K. L. Kazakhstan-China: from cross-border trade to strategic partnership. Book 3. Collection of documents. Almaty, 2010. P. 20. (In Russ.).
5. Reference: relations of friendship and cooperation between the PRC and ASEAN // People's Daily online. 2004. November 30. URL: http://russian.people.com.cn/31521/3021303.html (accessed 30.032024). (In Russ.).
6. The concept of global security. Full text. 02/21/2023 // Government of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (accessed 30.03.2024). (In Chin.).
7. Analysis of cooperation between the PRC and the states of Central Asia / Ed. Zhao Changqing. Beijing, 2012. (In Chin.).
8. Chi Donghai, Zhao Jian. Central Asia and China: geopolitics and security // Shichang Zhoukan. 2010. No. 6. (In Chin.).
9. Crawford Ch. Diplomacy In The Age of Zoom // Diplomat Magazine, July 7, 2021. URL: https://diplomatmagazine.com/diplomacy-in-the-age-of-zoom/ (accessed 30.03.2024).
10. Deng Yong. The Chinese Conception of National Interests in International Relations // The China Quarterly. No.154 (June 1998). P. 308–329.
11. Ghiasy R., Zhou Jiayi. The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU-China cooperation prospects. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2017. P. 3.
12. Integrated Country Strategy. Kazakhstan// U. S. Department of State, May 25, 2022. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (accessed 30.03.2024).
13. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U.S. Army in Asia, 2030–2040. RAND Corporation, 2014. P.11–46.
14. Lehmann D. The State of the COVID-19 Pandemic in Central Asia // Caspian Policy Center, July 12, 2021. URL: https://www.caspianpolicy.com/research/energy-and-economy-program-eep/the-state-of-the-covid-19-pandemic-in-central-asia (accessed 30.032024).
15. Liu Liantao, Huang Yongli, Jin Jiyong. China's Vaccine Diplomacy and Its Implications for Global Health Governance // Healthcare, 2022. July, 10, 1276. 10 p.
16. Mariani B. China's Role and Interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. 21 p.

17. Searight A. Pandemic Politics: China Sharpens Its Power/ In: Countering China's Influence Activities. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020. P. 24–30.

18. Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers. Center for China in the World Economy, Tsinghua University China Economic Net. May 20. 2014. 13 p.

19. Sinopharm, Sinovac important part of COVAX vaccine initiative: WHO // Xinhua, 07.01.2022. URL: https://english.news.cn/20220107/7c21e412dd624b6a80dbbf5226e2a1a1/c.html (accessed 30.03.2024).

20. Swaine M.D. China's Assertive Behavior, Part One: On Core Interests // China Leadership Monitor, 2011. No. 34. P. 1–25.

21. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advanced Sovereignty and Economic Prosperity // U. S. Department of State, February, 2020. URL: https://www. state. gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/ (accessed 30.03.2024).

22. Ye Xiaodi. Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realost Approach // Journal of Current Affairs. 2019. Vol.48(1). P. 76–105.

◆

Информация об авторах

Евгений Владимирович Савкович, д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск. Россия; профессор кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского Государственного Университета Экономики и Управления, Новосибирск, Россия, e-mail: savkovichy@yandex.ru

Артём Георгиевич Данков, канд. ист. наук, научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института (университета) международных отношений, Москва, Россия; доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск. Россия, e-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Information about the authors

Evgeniy V. Savkovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: savkovichy@yandex.ru

Artyom G. Dankov, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of International Studies, Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2024 Одобрена после рецензирования 07.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 03.04.2024 Approved 07.05.2024 Accepted 27.05.2024